

Так как завод имени Володарского являлся оборонным предприятием, то с нас, 15-летних пацанов, перед практикой взяли подписку о неразглашении гостайны. Строго-настроено предупредили не говорить никому, что это за предприятие и что на нём выпускают. Даже говорили о том, что если, не дай Бог, кому проболтаемся, то нас могут посадить в тюрьму. Мы немного трухнули, но подписались и держали язык за зубами. Но всё это оказалось секретом Полишинеля. Когда я в родном селе Барышская Слобода, отвечая на вопросы пятидесятидвухлетнего колхозника дяди Васи Воронкова, называл завод машиностроительным, то дядя Вася спокойно уточнял: «А, это патронный, за Волгой...»

Более того, однажды осенью, кажется 1954 года, сидел я на вокзале Ульяновск II около окошечка кассы, к которому подошла горбатенькая старушка. Протянув медяки в окошечко кассы, она спокойно попросила: «Доченька, мне до патронного». Я обомлел, представляя, как старушку сейчас же арестует дежурный милиционер, находящийся рядом, но ничего такого не произошло. Старушка, получив билет, охая, села рядом с другими пассажирами, а скушающий милиционер спокойно продолжал планировать по залу ожидания.

Завершая краткие эпизоды о практиках, не могу не сказать о том, что это было благословенное время, в процессе которого можно было расслабиться и, как говорят, «оглядеться по сторонам». Дело в том, что оценка за практику никак не влияла на назначение стипендии. Наверное, поэтому у меня по всем практикам в ведомости красуются троечки, так как я раза три или четыре ездил домой, пропуская занятия, и всё это как-то сходило мне с рук. Только преддипломная практика (самая бесполовая в моём понимании) была оценена на четвёрочку.

Хозяйственную часть техникума возглавлял в моё время товарищ Чибриков, имени и отчества которого не помню. Это был добрый, весёлый, лет пятидесяти или чуть больше мужчина – великий, незаметный труженик. Работы у него было море, и везде нужно было успевать. Благодаря его энергии учебный корпус нашего техникума блистал чистотой, как дворянское собрание. Когда я впервые переступил порог техникума, то был просто поражён убранством вестибюля: сиянием зеркал, скульптурой студента, люстрами и молочно-белыми плафонами светильников. Пахло масляной краской на олифе, в коридорах висели подвешенные к потолку красивые прямоугольные коробочки молочного цвета с красной надписью: «Тихо! Идут занятия». Внутри коробочек были смонтированы электрические лампочки. Нигде, никогда я не видел ни соринки. Никто, никогда не позволял себе сделать какую-либо надпись на стене... Но это была только часть забот Чибрикова, а на нём ещё висели два общежития, гараж, спортивная площадка. Печное отопление общежитий, коменданты, вахтеры, истопники, электрик, водитель, прописка студентов – всё это входило в обязанности завхоза. У меня до сих пор хранится его роспись на штампе о принятии меня в техникум. Штамп этот проставлен 10.10.1951 года на оборотной стороне моего свидетельства о рождении, там же и прописка по улице

Спортплощадь, дом 1. Фамилия «Чибриков» на его росписи читается как «Тригонометрия». И за глаза мы звали его тригонометрией. Говорил он протяжно, сильно окая, и был великим юмористом. Помню комендантов общежитий того времени: Александра Ивановича Хорошенкова и тётю Дашу, которые тоже внесли свою лепту в наше воспитание. Достаточно сказать, что нас (на протяжении всего первого курса) нужно было каждое утро будить на занятия, следить за тем, чтобы мы не закрывали на ночь задвижки дымоходов печей и не угорели, так как те топились углём...

Три директора

За время моего обучения в УМТ поменялось три директора: первым, при котором я поступил и закончил один или два курса, был Фёдор Алексеевич Рогов, пользовавшийся непререкаемым авторитетом и вскоре избранный (или назначенный) первым секретарём Заволжского райкома партии. После него должность директора занял Аладин (имени и отчества которого не помню). Аладин проработал недолго. Запомнился тем, что запретил передачу экзаменов с тройки на четвёрку, тем самым лишив немало обучаемых стипендии; непостижимым образом выбил для себя списанный трофейный «Опель», на котором его возили по утрам в село Красный Яр пить топлёное молоко. «Опель» имел строптивый нрав. По утрам он «чихал» и не заводился ни от стартера, ни от рукоятки. Толкать «фашиста» приходилось завхозу Чибрикову и электрику дяде Васе Сазонову. При этом юморист Чибриков («Тригонометрия»), упираясь в задний бампер «фрица», подмигивал нам и громко пояснял: «Ежедневная утренняя физзарядка!»

Через год Аладин исчез из техникума, то ли по собственному желанию, то ли по желанию вышестоящего руководства.

Третьим был Андрей Кузьмич Масюков, при котором я и окончил техникум и который работал долго-долго. Человек был достойный и безусловно квалифицированный.

Заместителем директора УМТ по учебной работе был тогда Владимир Аркадьевич Ревенко. В то время ему не было и сорока лет. Владимир Аркадьевич имел респектабельный вид, был чуть полноват, чисто одет. Словом, это был представительный мужчина, на вид важный, но на самом деле очень добрый и необыкновенно внимательный к каждому из нас. Владимиру Аркадьевичу я многим обязан и не забуду его до конца дней как человека большой души и высокой культуры. Только благодаря этому человеку я был зачислен в техникум, так как сдал приёмные экзамены не блестяще: имел «неуд» по русскому языку (диктант), троечку по математике и отличные оценки по литературе и Конституции СССР. В день зачисления, переписав диктант на четыре, я предстал перед комиссией. Первое, что я услышал от директора, войдя в его кабинет: «вынь руки из карманов», и второе: «мы не можем его принять в технический техникум, Владимир Аркадьевич. Это какой-то «словесник». Я даже испугаться не успел, как Владимир Аркадьевич горячо возразил директору:

– Я разбирался, Фёдор Алексеевич. Двойка случайная, мальчик толковый. Нужно принять.

– Ну хорошо, – сдался директор, – возьми. Без стипендии, под Вашу ответственность. Привези с собой подушку. У нас в общежитии нет подушек.

Общежитие

Так я оказался в этом, самом лучшем техникуме Ульяновской области.

Владимир Аркадьевич, как мне говорили, окончил в своё время МВТУ им. Баумана, которое и до сих пор считается самым престижным техническим вузом страны. Будучи зам. директора по учебной работе, блестяще преподавал механику на технологическом отделении техникума. Все четыре года, что я учился, он жил с семьёй в пять человек в нашем общежитии на первом этаже, занимая две небольшие комнаты. Здесь же, на первом этаже, жили комендант Александр Иванович Хорошенков с семьёй и водитель техникумовского грузовика (фамилию не помню).

Общежитие было двухэтажное; на первом этаже жила мужская половина, на втором – женская. Стояло общежитие обособленно, занимало большую территорию, огороженную деревянным штакетником с одной стороны, а с другой к зданию примыкали сады и огороды трудящихся Володарки.

Летом в садах пели соловьи, куковали кукушки. Во дворе была волейбольная площадка, где старшекурсники резались в волейбол и с ними иногда Владимир Аркадьевич, хотя и был «несколько тяжеленек». Майскими и июньскими вечерами Владимир Аркадьевич, поменяв рубашку с галстуком на «вышиванку», иногда выходил на тыльную сторону здания, садился на скамеечку и пел под мандолину приятным тенором украинскую песню: «Солнцэ нызэнкьо, вэчэр блызэнкьо...»

В.А. Ревенко
(зам. директора)

Проблема посещаемости занятий, как мне помнится, в то далёкое послевоенное время вообще не стояла. В УМТ было заведено не допускать до урока всякого, кто пропустил предыдущий, без записки от Владимира Аркадьевича Ревенко. Не помню форму записки, но правило соблюдалось неукоснительно. И хотя Владимир Аркадьевич никого не ругал, бывало, десять раз подумаешь: идти к Ревенко или от греха подальше высидеть урок.

В великие советские праздники 7 ноября и 1 Мая мне, чтобы съездить домой, нужно было пропустить пару-тройку дней занятий и серьёзно обосновать это, чтобы получить разрешение Владимира Аркадьевича. Приходилось это делать не раз, и денька за два-три до праздника я отпрашивался у него.

Владимир Аркадьевич говорил при этом: «Ну что же, ехать Вам далеко. Я всё понимаю. Перед праздниками всё равно настоящей учёбы нет, поэтому езжайте, только, чур, не опаздывать. После праздника, засучив рукава, нужно навёрстывать пропущенное и двигаться дальше...»

Осмелев к четвёртому курсу, я обзаводился медсправкой, которую мне делала соседка – фельдшер нашей больницы Вера Александровна Филянина. Стыдясь и пряча глаза, показывал эту «липу» Владимиру Аркадьевичу. Тот покачивал головой, вздыхал и выдавал мне разрешительную записочку на право продолжить занятия...

После окончания техникума судьба не подарила мне шанса увидеть ни Владимира Аркадьевича Ревенко, ни его жену Надежду Ивановну. И только много-много лет спустя мой племянник Александр Викторович Зудилин, окончивший этот же техникум по той же специальности, говорил мне, что ТОЭ преподавала им Татьяна Владимировна – дочь Владимира Аркадьевича и Надежды Ивановны.

Легенда техникума

На этом можно было бы и закончить сумбурно-субъективные записки о дорогих моему сердцу наставниках. Однако не могу этого сделать, не сказав о человеке, который, не являясь моим преподавателем, оставил яркий след в моей памяти. Это преподаватель русского языка и литературы **Евгений Александрович Виторган**.

Евгений Александрович, без преувеличения, легенда Ульяновского электромеханического колледжа. О нём можно бы написать не одну книгу. Этот талантливый, преданный делу воспитания и образования Учитель отдал техникуму (колледжу) пятьдесят два года. Евгений Александрович на работу в техникум поступил после военной службы – в 1948 году в возрасте 26 лет, а закончил свою трудовую деятельность в 2000 году в возрасте 78 лет. К великому сожалению, мне не пришлось у него учиться, так как работал он на технологических отделениях, а я учился на отделении электрооборудования промпредприятий. И уже тогда о 29-летнем преподавателе Виторгане ходили легенды. Учащиеся старших курсов техникума произносили его имя с огромным уважением – не восторженные романтические девочки, а бывалые парни – фронтовики, которые были младше преподавателя всего-то на каких-нибудь 3–4 года. Парни говорили о его необыкновенно интересных уроках литературы, о великолепном владении аудиторией, о феноменальной памяти Виторгана (знал наизусть «Евгения Онегина») и его обширных знаниях.

Невольно задаёшь себе вопрос: «Какими же данными нужно было обладать, чтобы, отдав около восьми лет армии, пройдя тяжелейшую войну, за три года работы в техникуме заработать такой авторитет? Всего-то за три года!» Непостижимо, невероятно, но факт! Это каким же веротерпением надо было обладать, чтобы, имея такие уникальные данные, не соблазниться уйти в науку, в начальство, в витийство с партийных трибун, а раз и навсегда остаться с детьми и не оставлять их?

И это всё Виторган. Евгений Александрович!

Впервые я увидел его в сентябре 1951 года, и в памяти он остался стройным молодым мужчиной, одетым в полувоенный костюм: китель с отложным воротничком табачного цвета и такого же цвета бриджи, заправленные в хромовые офицерские сапоги. Сейчас я думаю, что эта одежда старела его, впрочем как любая военная форма. Запомнились блестящие глаза и густая, курчавая, чёрная как смоль шевелюра, приветливое, довольно красивое лицо.

Осенью 1953 года Евгений Александрович был направлен с нашей группой в колхоз на уборку картофеля. Мне было 16 лет. Я только что перенёс в Сурской районной больнице неудачную операцию по поводу аппендицита и приехал на занятия с открытой раной. Несмотря на то, что ходил на перевязки, женщина-врач не дала мне освобождения от колхозных работ, недовольно проворчав: «У меня с такой раной токаря работают у станков по восемь часов». В колхозе же (с. Красный Яр) для сбора картофеля даже вёдер не оказалось. Пришлось собирать «всенародную кормилицу» в тяжёлые деревянные короба, которые мы, мальчишки, должны были носить к кузову автомобиля и поднимать при выгрузке на высоту вытянутых рук...

Я к Виторгану: так, мол, и так. Он, внимательно выслушав меня, отвёл в сторонку, попросил показать рану. Молча, без лишних слов, здесь же на поле, написал записку и сказал: «Я вас освобождаю. Езжайте в техникум к заведующей библиотекой – Никаноровой Прасковье Николаевне, отдайте ей эту записку и работайте под её руководством».

В библиотеке техникума мне вручили ножницы, клей, бумагу, и я довольно успешно склеивал растрёпанные переплёты книг, попутно читая роман Вениамина Каверина «Два капитана». После этого случая я воспринимал Евгения Александровича как родного человека. Встречаясь, всегда здоровался, но более никаких контактов с ним не имел. Пользовался только слухами. Зимой я иногда ходил из Заволжья в город, пешком через Волгу, на улицу Радищева, к дяде – «подхарчиться»! И как сейчас ярко помнится зимний солнечный день. Я иду в город, а навстречу идёт на работу Евгений Александрович Виторган в коричневом драповом пальто с каракулевым воротником, в хромовых сапожках с галошами, с ивовым прутиком в руке...

Лет через сорок после того мне довелось увидеть Евгения Александровича на одном из совещаний в актовом зале Ульяновского авиационного техникума. Я узнал его сразу, хотя оба мы сильно изменились не в лучшую сторону. Подойти я постеснялся, о чём жалею до сих пор...

Осенью, 11 сентября 2015 года (ровно через 60 лет после моего окончания Ульяновского меха-

Областное государственное бюджетное образовательное учреждение среднего профессионального образования ордена «Знак Почета» «Ульяновский электромеханический колледж». Наши дни

нического техникума), отмечалось 85-летие основания этого учебного заведения, ставшего орденоносным. Я пришёл на это торжество по приглашению преподавателя истории УЭМК Галины Андреевны Боднар и узнал, что Евгению Александровичу Виторгану – единственному оставшемуся в живых из преподавателей того далёкого времени – 93 года и приехать он по состоянию здоровья не может.

И всё же Учитель обратился к аудитории с экраном. Евгения Александровича я бы и не узнал. Лицо его совершенно изменилось благодаря пышным белым усам, стало полнее и дышало уверенностью, спокойствием и благородством. Голос его звучал уверенно, твёрдо, энергично. Говорил он, обращаясь к молодёжи, о том, что жизнь человека – это не лёгкая увеселительная прогулка, а ежедневная, ежечасная борьба с самим собой. Борьба за то, чтобы становиться лучше душой и помыслами, быть нужным и полезным семье, обществу и стране, чтобы не распылять безжалостно дни, которых не так много отпущено человеку. И это было главное, что я вынес с этого юбилея...

А несколько лет назад с огорчением узнал от Галины Андреевны, что Евгения Александровича не стало. Он ушёл в Вечность на 95-м году жизни. Мир праху твоему, Учитель. Вечная память!

г. Димитровград

*Публикацию подготовила Р.И. Кашкирова,
член Союза писателей России,
председатель писательской организации «Слово»*

